

Глубокой ночью, в одной из тайных комнат уезда Цинань.

Юй Цзюцюэ лежал на мягкой кушетке, только что очнувшись от обморока. В слабом свете свечи его лицо казалось особенно бледным. Последнее, что он помнил, — как по дороге в дом семьи Лю на него напали. Нападавшие не просто похитили его, но и парализовали его руки и ноги каким-то неизвестным способом. Затем они нарочно растрепали его одежду, явно намереваясь инсценировать изнасилование и последующее убийство. Нож уже был занесён над его телом, и Юй Цзюцюэ был уверен, что спасения не будет.

Но в тот самый миг из темноты появилась другая группа людей, мгновенно расправилась с нападавшими, а затем оглушила его и забрала с собой. Очнулся он уже здесь. Рядом с подушкой кто-то оставил открытый деревянный ларец, в котором лежал изящный нефритовый кулон. Полупрозрачный, гладкий, с переливами чистой воды, он был настолько редким и дорогим, что даже семьи, подобные Сун, вряд ли могли бы похвастаться подобным сокровищем.

Самым странным было то, что Юй Цзюцюэ узнал его с первого взгляда. Казалось, что тонкая нить воспоминаний потянулась за этим нефритом, и в следующее мгновение его сознание захлестнули яркие, живые образы. Он застыл на месте почти на четверть часа, прежде чем смог разложить всё по полочкам. Красные стены в сто поворотов и девять уровней дворцовых залов, вьющиеся дымки благовоний императорских покоев и золотые драконьи узоры на вышивке — всё в его снах теперь получило объяснение. Он наконец вспомнил своё настоящее имя.

Юй Цзюцюэ когда-то был бродягой в столице Шэнцзин. Будучи от природы красивым, он был вынужден уродовать себя, чтобы не привлекать лишнего внимания, когда просил милостыню на улицах. Но однажды его заметил евнух Юй, покидавший дворец, и решил взять к себе. Он дал ему фамилию, нарёк новым именем и начал готовить к отправке во дворец.

«Маленький лисёнок, ты не виноват, что родился с таким лицом. Но это не проклятье — это твой шанс! Попав во дворец, запомни мои слова: стоит тебе забыть о стыде и совести — и ты сможешь получить всё, что пожелаешь».

С точки зрения приёмного отца, его замысел удался. Юй Цзюцюэ действительно сумел пробиться наверх. Но, когда он узнал, что его готовят в «подарок» могущественному старику-евнуху, всё рухнуло. Не собираясь становиться чьей-то игрушкой, он провернул хитроумную комбинацию: сначала убрал своего приёмного отца, сослав его в холодный двор, а затем расправился с самим старым евнухом, лишив его власти.

В награду за свою смекалку он получил должность надзирателя Сисиньси*. На первый взгляд это был неприметный пост, но на деле — одна из самых влиятельных должностей. В его руках находилось распределение угля и дров на все внутренние дворцы. Любая забытая или опальная наложница, чтобы не замёрзнуть зимой, должна была умастить его слуг, иначе даже титул консорты или почётной дамы не спасал её от холода.

(ПП: одно из четырех ведомств евнухов в династии Мин, было агентством, специально отвечавшим за уголь во дворце.)

Именно так началась его связь с наследником престола. Когда-то он был безграмотным сиротой, но, попав в дворцовую школу, начал учиться и, наконец, познал суть этого мира. Он видел, как мудрого и талантливого принца, когда-то любимого всеми, превратили в узника заброшенного дворца.

Юй Цзюцюэ хоть и был евнухом, но не мог забыть... Когда-то, будучи всего лишь жалким мальчишкой, он по ошибке наткнулся на одного из старших евнухов. Тот разъярился, уже замахнулся, чтобы избить его до крови, но в этот момент мимо проходил наследный принц. И спас его.

В благодарность за ту самую защиту Юй Цзюцюэ закрывал глаза, когда по тайным тропам в покои опального принца переправляли древесный уголь и дрова.

С того момента он тайно стал человеком Восточного дворца. Это было даже неплохо.

Юй Цзюцюэ понимал, что всё началось с желания отплатить за спасение, но в конечном счёте его вела жажда власти. В стенах дворца те, кто оставался внизу, были обречены на унижения и подчинение. Лишь забравшись достаточно высоко, можно было защитить себя.

Наследный принц, видя, что он ещё молод и обладает крепким телосложением, приказал своим людям тайно обучать его боевым искусствам. А за три месяца до выхода из дворца, благодаря усилиям старых приближённых Восточного дворца, Юй Цзюцюэ был переведён из ведомства Сисиньси в Юмацзян (Конюшенное управление)*.

(ПП: Юмацзян был одним из 24 учреждений евнухов в династии Мин и отвечал за управление императорскими конями. Юмацзян был вовлечен в экономические дела дворца, такие как императорские фермы и конные пастбища, а также был связан с Военным министерством.)

В Даюне Юмацзян всегда соперничал с Канцелярией придворных евнухов: одно ведало армией, другое — императорской властью. Канцелярия полностью находилась под контролем второго принца, поэтому наследный принц, не имея возможности взять власть над ней, хотя бы отправил Юй Цзюцюэ в Юмацзян — если не для пользы, то хотя бы чтобы досадить старым евнухам.

Теперь же этот нефритовый кулон не оставлял сомнений — это был знак Восточного дворца.

Внезапно тишину разрезал голос.

— Юй-гунгун, наш господин высоко ценит вас. Как только он узнал, что на вас напали во время поездки, сразу же приказал искать вас любой ценой — живого или мёртвого. Теневые стражи

гнались за вами тысячу ли, но в итоге обнаружили, что вы получили серьёзные ранения, потеряли память и были проданы работорговцами в уезд Цинань.

Голос говорил спокойно, но в словах прозвучала истинная суть.

— Совпало так, что Цинань — это место моей службы. Мы как раз подумывали, как выйти с вами на связь, как вдруг противник внезапно двинулся в атаку. В спешке пришлось действовать немедленно, и, чтобы не рисковать, мне пришлось применить жёсткие меры. Надеюсь, гунгун не держит на меня зла.

Юй Цзюцюэ ещё не до конца осознал своё положение, как на него свалился новый поток ошеломляющих откровений. Но самое важное он понял сразу.

— Вы сказали, что уезд Цинань — место вашей службы. Значит ли это...

Его собеседник не стал ходить вокруг да около. Вскоре из темноты вышел мужчина и, сложив руки в уважительном поклоне, представился:

— Я глава уезда Цинань, Лян Тяньци.

Юй Цзюцюэ даже не удивился. Выходит, даже местный уездный глава оказался человеком наследного принца. Теперь у него оставался только один вопрос.

— Господин Лян, с чего вы так уверены, что я уже вспомнил всё?

Лян Тяньци, не колеблясь, ответил:

— Не буду скрывать, моя супруга родом из семьи врачей и владеет древними методами иглоукалывания. Как только вас доставили сюда, я попросил её поставить вам диагноз и провести терапию.

Юй Цзюцюэ усмехнулся.

— А нефритовый кулон, выставленный напоказ, тоже был частью испытания, верно? Если бы я вспомнил, всё прошло бы гладко. А если бы нет... боюсь, что мне не так скоро позволили бы покинуть это место.

Лян Тяньци заметил, как Юй Цзюцюэ сменил манеру речи и заговорил, как истинный евнух, и понял, что испытание пройдено.

— Гунгун, вы слишком строги.

Юй Цзюцюэ медленно выдохнул. Он не собирался упрекать Лян Тяньци. Скорее наоборот — теперь ему придётся полагаться на него.

Как-никак, внешне он оставался всего лишь простым гером А-Цзю из уезда Цинань. А вот Лян Тяньци был здесь человеком, от которого зависело всё.

— Господин Лян, думаю, как только вы узнали о моей настоящей личности, сразу же начали... наблюдать за мной.

Лян Тяньци слегка кашлянул. Разумеется, он приказал следить за Юй Цзюцюэ, но кто бы мог подумать, что день за днём ему будут приносить совершенно одинаковые доклады: этот евнух и его муж живут как новобрачные, окружённые сладким домашним уютом.

В какой-то момент Лян Тяньци даже задумался, как составить рапорт в столицу. Не мог же он написать в донесении: «Юй-гунгун, похоже, твёрдо решил остаться управляющим ресторана и никуда из Цинаня возвращаться не собирается».

Если бы Юй Цзюцюэ был неважной фигурой, то всё было бы гораздо проще. Но он не просто был тайным человеком наследного принца.

В тот день, когда его отправили с поручением от Юмацзяна, он на самом деле получил ещё один секретный приказ. Наследный принц приказал ему собрать доказательства, что третий принц обворовывает казну, сотрудничая с местными торговцами и создавая частную армию. Этот кулон, лежащий перед ним, означал одно: он должен был исполнить приказ любой ценой.

Юй Цзюцюэ спокойно развернулся к Лян Тяньци и сказал:

— Прошу вас подготовить бумагу и кисть, я напишу донесение нашему господину.

Он сделал особый акцент на следующих словах:

— Включая то задание, что было поручено мне прежде. Я выполнил его и не посрамил доверия.

□□.....

В тёмной комнате не проникал дневной свет, и после того, как Юй Цзюцюэ завершил длинное письмо, написанное тайным шифром Восточного дворца, его запястье уже ныло от усталости. Лян Тяньци оказался весьма внимателен и заранее подготовил для него рисовую кашу с лёгкими закусками.

— Гунгун, надеюсь, вы простите за скудную трапезу. Моя супруга говорит, что вы до сих пор не

избавились от действия наркотиков, и, если сейчас съесть что-то жирное, это может вызвать приступ тошноты.

— Не беда.

Юй Цзюцюэ посмотрел на поставленные перед ним чашку каши и две маленькие тарелки с закусками. Желудок уже урчал от голода, но, попробовав ложку, он лишь вздохнул про себя. После многих месяцев, когда его кормил Цинь Ся, эта каша на вкус не отличалась от воды.

Но, следуя принципу не тратить еду впустую, он насильно заставил себя доесть всё до последней капли.

Лян Тяньци вскоре вернулся.

— Сообщение передано. Тайная стража ускоренно доставит его господину в течение трёх дней.

Юй Цзюцюэ понимал, что, пусть он и опоздал на несколько месяцев, но теперь всё же исполнит свой долг. Однако тяжесть с души не ушла. Потому что старые дела были закрыты, но впереди ждали новые.

— Позвольте спросить, господин Лян, что приказал наш господин насчёт меня?

Тот на мгновение замешкался, но затем честно ответил:

— Его Высочество сказал: если ваша жизнь не под угрозой, позаботиться о вашем лечении и обеспечить скорейшее возвращение в столицу.

Конечно же... Юй Цзюцюэ знал это с самого начала. Он был евнухом, знающим слишком много. Все тайны Восточного дворца, а то и императорского рода — он был живой книгой, которую наследный принц никогда бы не оставил за пределами дворца.

Он мог не возвращаться. Но тогда... Он всё равно никогда не смог бы спокойно жить с Цинь Ся.

Лян Тяньци, заметив тень сопротивления в глазах Юй Цзюцюэ, глубоко вздохнул. Он сам видел, как этот грубоватый, но заботливый мужчина ухаживал за Юй Цзюцюэ. И втайне уже давно понимал: эти двое действительно не просто играют в любовь.

Лян Тяньци понял, что убеждать его будет непросто, и сменил тактику.

— Даже если гунгун не думает о себе, стоит подумать о боссе Цинь. Теперь, когда противник знает, где вас искать, за первой волной рано или поздно последует вторая.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, господин Лян.

Юй Цзюцюэ провёл пальцем по основанию большого пальца, смутно вспоминая, что когда-то здесь был перстень.

— Господин уже сказал, когда именно я должен вернуться?

Лян Тяньци покачал головой. Они и так только-только отыскали его след. Если бы не сегодняшние события, возможно, они вообще ещё долго не встретились бы.

— Я вернусь в столицу, — спокойно сказал Юй Цзюцюэ. — Но прежде мне нужно позаботиться о муже.

Лян Тяньци уловил перемену в его словах, но благоразумно ничего не сказал.

Юй Цзюцюэ склонился в почтительном поклоне.

— Когда я уйду, если господин Лян останется в этой должности, прошу оказать... небольшую заботу.

Забота эта, конечно же, касалась Цинь Ся и его ресторана.

Лян Тяньци тоже ответил поклоном:

— Это мой долг как чиновника.

Юй Цзюцюэ уже не сомневался: Лян Тяньци действительно был хорошим главой уезда.

Пусть он и находился в Цинане совсем недавно, но уже видел, что здесь чистая политика и спокойная жизнь. Лян Тяньци был человеком, которому можно было доверять.

Но теперь возникал другой вопрос: как вернуться домой и что сказать Цинь Ся.

Юй Цзюцюэ посмотрел на свои руки, ноги, потрогал голову... Затем перевёл взгляд на Лян Тяньци и заговорил:

— Господин Лян, раз уж ваша супруга хорошо разбирается в медицине, она наверняка знает, куда можно ударить, не затронув жизненно важные органы.

Лян Тяньци задумался, а затем нахмурился.

— Гунгун хочет сказать...

Юй Цзюцюэ кивнул.

— Прошу вас, посоветуйтесь с вашей супругой, а затем... пошлите человека, который нанесёт мне пару ран. Пусть всем скажут, что меня похитили разбойники, но по счастливой случайности я был спасён чиновниками.

Он знал, что исчез на слишком долгое время. Да, он вернётся домой раненым, и Цинь Ся, конечно, будет волноваться ещё больше.

Но зато не возникнет лишних вопросов.

Юй Цзюцюэ уже солгал ему слишком много раз. Возможно, совсем скоро им придётся разлучиться. А значит, пусть будет на одну ложь меньше.

Глубокой ночью, в конце второй стражи.

Цинь Ся наконец-то удалось уговорить Фан Жун вернуться домой, но Лю Доуцзы остался. Он забрался в другую комнату, укутался в одеяло и улёгся.

Цинь Ся же не мог сомкнуть глаз. Он просто сидел, пристально глядя в темноту.

Он ждал.

И вдруг...

Снаружи раздался гогот Дафу. А сразу после — стук в дверь.

Цинь Ся подпрыгнул с кровати и бросился к входу. Лю Доуцзы, проснувшись от шума, натянул на ногу всего один башмак и поспешил следом.

— Брат Ся! Это неужели... неужели невестка наконец-то вернулась?!